

5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – Москва : Прогресс, 1986.
6. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – Москва : Русский язык, 1999.

References

1. Veklich M. V. Metaforicheskaya nominaciya v anatomicheskom atlase nachala XVIII v. // Gumanitarnye issledovaniya, 2013, № 3 (47), pp. 18–22.
2. Krylov G. A. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. St. Petersburg, Poligrafus-lugi, 2005. 432 p.
3. Krysin L. P. Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sociolingvistike. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 888 p.
4. Krysin L. P. Tolkovyj slovar' inoyazychnyh slov. Moscow, Russkij yazyk, 2002. 856 p.
5. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: in 4 vol. Moscow, Progress, 1986.
6. Chernyh P. Ya. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka: in 2 vol. Moscow, Russkij yazyk, 1999.

МЕТОДОЛОГИЯ КАТЕГОРИЗАЦИИ СУБСТАНТИВА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ (ФРАНЦИЯ)

Арчаков Рустам Абукарович, кандидат педагогических наук, Российской государственной социальной университет, 127521, Россия, г. Москва, ул. Октябрьская, 66, e-mail: professorburv@rambler.ru.

Субстантивный класс слов представляет собой один из центров как языковой системы, так и сферы речевого употребления, который связан с осмыслением предметности. При этом важнейшую роль играет категоризация – и как подведение явления, объекта, процесса и т.п. под определённую рубрику опыта – категорию – и признание его членом этой категории, и как процесс членения внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия, упорядоченное представление разнообразных явлений. В каждом языке категоризация выступает частью познавательной деятельности человека, связанной со всеми когнитивными способностями и системами. В настоящей работе предпринимается попытка осмысления методологии категоризации субстантива во французской лингвистической традиции.

Ключевые слова: субстантив, категоризация, концептуализация, языковая система, речевая деятельность

CATEGORIZATION METHODOLOGY SUBSTANTIVA IN THE WEST EUROPEAN LINGUISTICS (FRANCE)

Archakov Rustam A., Candidate of Pedagogical Sciences, Russian State Social University, 127521, Moscow, Oktyabrskaya St., 66, e-mail: professorburov@rambler.ru.

Substantive class of words is one of the centers as a linguistic system and the scope of the use of speech, which is associated with the comprehension material denotation. In this process categorization plays the main role – and as the settlement phenomenon, object, process, etc. under certain categories of experience – category – and its recognition by a member of this category, and as the process of dividing the inner and outer world of man according to the essential characteristics of its functioning and being ordered representation of various phenomena. In every language categorization of acts of human cognitive activity is associated with all cognitive abilities and systems. In this paper we attempt to categorize thinking methodology substantives in the French linguistic tradition.

Keywords: substantive, categorization, conceptualization, language system, speech activity

В западноевропейской лингвистической традиции, в частности, во французской и английской, проблема категоризации субстантива, главного конституента именной группы, является центральной во всех теориях частеречной классификации: семантической, логико-грамматической, функциональной, морфосинтаксической и др.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы проследить эволюцию принципов категоризации субстантива от семантической научной парадигмы до структуральной и по возможности определить их общие и дифференциальные черты во французской лингвистике.

Жанр публикации обязывает нас обратиться только к знаковым работам преимущественно теоретического и частично теоретико-прикладного характера.

Первые попытки описать грамматический строй французского языка относятся к XVI в. В это время франсийский диалект – первооснова французского языка – в силу экономического и политического статуса региона Иль-де-Франс с центром в Париже занимает доминирующее положение среди многочисленных диалектов Франции. Грамматика французского языка Ж. Дюбуа, изданная на латыни во Франции в 1531 году, не смогла полностью преодолеть её влияния: частеречная классификация во многом имитирует латинскую.

После указа короля Франциска I в 1539 году франсийский диалект официально признаётся общенациональным языком, основным средством коммуникации на всей территории Франции. Понимание того, что возврата к латыни больше нет, побуждает лингвистов к выработке канонических норм французского языка и их репрезентации в грамматиках. Автором первой теоретико-дидактической грамматики французского языка, по мнению лингвистов, был Л. Мегре. Эта работа считается вершиной грамматической мысли XVI века [12]. В отличие от Ж. Дюбуа он апеллирует к грамматическому строю латыни только для того, чтобы подчеркнуть своеобразие и самобытность грамматического строя языка среднефранцузского периода.

В его грамматике субстантив ещё не выделен в отдельную категорию. В ней есть раздел «Имена», в котором описываются различия между именами собственными и нарицательными, примитивами (первообразными) и деривативами, собирательными, числительными, заимствованиями. Согласно Л. Мегре, имя обозначает свойство, присущее одному предмету или классу предметов [18, с. 28]. Термин «субстантив» употребляется лишь однажды и, судя по контексту, обозначает имя существительное [18, с. 27]. Всем именам атрибутируются четыре акциденции: вид (разновидность), род, число и фигуры. Под фигурами понимаются сложные и простые имена. Следовательно, субстантивы как конституенты класса имен могут быть примитивами или деривативами, собственными или нарицательными, простыми или сложными, маркироваться родом и изменяться по числам. Две грамматические категории – род и число – для большинства имён нарицательных являются облигаторными. Но именно артикль актуализирует субстантив. Благодаря ему, отмечает Л. Мегре, другие части речи (относительные и притяжательные местоимения, причастия настоящего и прошедшего времени, прилагательные и глаголы в инфинитивной форме) могут переходить в класс имён-субстантивов, так как в них начинает более чем явственно ощущаться природа субстантива “...le substantive y ęt suręntęndu” [18, с. 27]. Очевидно, что категоризация субстантива осуществляется в среднефранцузский период на основании двух критериев: семантического и формального. Он обозначает свойство (la qualitę) денотата, детерминируется артиклем мужского или женского рода и имеет маркеры единственного и множественного числа.

Считается, что грамматики, вышедшие в 1569, 1572 и 1586 годах [6; 10; 14], не вносят ничего принципиально нового во французскую лингвистику. Это замечание справедливо по отношению к двум последним. В работе Р. Этьена уже даётся дефиниция не только имени, но и субстантива: это слова, обозначающие тело (corps) или вещь (chose), которые можно увидеть или потрогать, а также сущности, которые нельзя ни увидеть, ни потрогать. В отличие от прилагательных имена существительные обозначают тела или сущности самостоятельно, а прилагательные раскрывают их качества или количество [10, с. 15]. Иными словами, имена существительные

обозначают субстанции как самостоятельные предметы мысли, а указание на признаки предмета мысли выражается прилагательным. Таким образом, Р. Этьен вводит дополнительный категориальный признак субстантива – его способность в отличие от других имён самостоятельно вербализовать предмет мысли, коррелирующей с субстанцией.

До второй половины XVII в. французская грамматическая традиция не давала самобытных идей. Этот промежуток времени характеризуется как период застоя и компиляций тех мыслей, которые утвердились в грамматике XVI века.

В 1660 году была опубликована, а в 1990 году переведена на русский язык «Грамматика всеобщая и рациональная Пор-Рояля» А. Арно и Кл. Лансло [1], послужившая поворотным моментом в развитии языкознания во всей Европе. Согласно авторам этой грамматики, объектами человеческой мысли являются вещи или субстанции и способы их существования – акциденции. Различие между субстанцией и акциденцией заключается в том, что первые существуют сами по себе, а вторые – только благодаря существованию субстанции. Этот знаменитый постулат картезианской философии был экстраполирован на лингвистический материал. В соответствии с данным постулатом, субстантивом может быть названо только то слово, которое обозначает независимую субстанцию, а адъективами – слова, обозначающие акциденции [1, с. 93–94]. Разумеется, такая интерпретация имени существительного имела место у предшественников, которые, однако, не смогли с рациональной, логической точки зрения объяснить причину деления имён на субстантивы и адъективы.

В категорировании субстантивов и адъективов, по мнению авторов рациональной грамматики, решающая роль принадлежит не значению, а способу обозначения (*manière de signifier*). Если субстанция существует самостоятельно, то любое имя, даже обозначающее акциденцию, но функционирующее в речи самостоятельно, можно назвать существительным. В то же время имена, даже обозначающие субстанцию, но по способу обозначения присоединяющиеся к другому имени, необходимо относить к прилагательным [1, с. 94]. Например, прилагательное *blanc* обозначает, что некая субстанция имеет белый цвет. Понятие белизны выражено в нём отчётливо, а понятие носителя белизны подразумевается. Следовательно, когда помимо ясного значения в имени есть неясное (*confuse*), подразумеваемое, оно не может существовать в речи само по себе и быть субстантивом.

Изъятие коннотации (смутного, подразумеваемого значения) из имени переводит его в класс существительных: *le blanc* обозначает уже не акциденцию, способ существования субстанции, как, например, в словосочетании *pain blanc* «белый хлеб», а саму субстанцию, участок спектра солнечного света «белый цвет». Аналогичная метаморфоза, но обратного характера, происходит со словами, обозначающими субстанцию, если они присоединяются в речи к другим именам. В *discipline de fer* способ обозначения изменяется, субстантив *fer* присоединяется к другому имени при помощи предлога *de*. Отсюда следует, что у него появилось коннотативное значение, переводящее его в статус акциденции, «железная дисциплина» [1, с. 95]. А. Арно и Кл. Лансло не идут дальше деления субстантивов на имена собственные и аппеллятивы, хотя и отмечают, что в состав аппеллятивов входят имена абстрактные.

В XVIII веке развитие идей рациональной грамматики по исследуемому вопросу не наблюдается. Более того, при определении субстантива многие грамматисты обращаются к грамматикам XVI в. Так, Н. Бозе полагает, что имя существительное называет вещи (*choses*) вне зависимости (*déterminément*) от других слов в речи и обозначает эти сущности, исходя из их свойств (*nature*) [4, с. 149]. М. Жирар относит к субстантивам имена, обозначающие реальные сущности или воображаемые. Денотативный и функциональный аспект имени, отмечает он, играют определяющую роль в категорировании субстантива [11, с. 217].

Полемика разворачивается в основном вокруг его парадигмы. Например, М. Жирар делит имена на генерические (*génériques*) и собственные (*individuels*). В свою очередь, генерические имена включают в себя аппеллятивы, абстрактивы и акционалы. Аппеллятивы обозначают субстанциональные сущности: *maison, tête etc.*;

абстрактивы – способы их существования (*modes*) и качества (*qualité*): *confiance*, *blancheur*, *rondeur* etc., а акционалы – события или скоротечные действия: *course*, *abatage*, *badinage* [11, с. 222]. Н. Бозе подвергает критике эту детализацию имени существительного, как и детализацию Дюмарсе. По его мнению, абстрактивы и акционалы точно также выражают общую мысль, абстракцию от конкретного объекта, как и апеллатив *homme* общую мысль о человеческой природе. В ней заключены более частные представления о живом теле и разумной душе. В свою очередь, понятия тела и разумной души предполагают мысль о субстанции, уме, воле и т.д. Совокупность соподчиненных или подчиненных друг другу частных представлений формирует общую мысль о единой природе всех сущностей, обозначенных именем *homme*. Грамматически оправданным является то деление имен, которое основывается на разных способах представления, вербализации именуемых объектов [4, с. 150]. Он предпочитает следовать традиции рациональной грамматики и выделяет только апеллативы и имена собственные.

Оригинальная трактовка субстантива дана в грамматике Е. Б. Кондильяка, опубликованной в этом же веке. Как и все предыдущие грамматисты, он определяет его особенности в сравнении с адъективом. Но то, как он это делает, заслуживает особого внимания. Субстантив, как и адъектив, реализует модифицирующую функцию. В отношении адъектива мысль о его модифицирующей функции предельно ясна: прилагательные, атрибутируемые субстантиву, каждый раз эксплицируют новые качества его денотата: *terre chaude* «тёплая земля», *terre vièrge* «непаханая земля» и т.д. Поэтому Е.Б. Кондильяк называет мысли, выраженные прилагательным, аксессуарами, которые присоединяются к основной мысли, выражаемой существительным для того, чтобы существовать в ней и видоизменять ее [8, с. 112].

Модифицирующая функция субстантива – иного порядка. Она направлена на то, чтобы заставить существовать именуемый объект в рамках определённого класса [8, с. 113]. Некий объект мысли может быть обозначен как *frère*, *neveu*, *fils*, так как он может быть одновременно кому-то братом, племянником или сыном. Но эти имена не выйдут за пределы класса субстантивов. В начале XIX века принципы грамматического анализа фиксируются в Грамматике Французской Академии, в которой понятие субстантива лингвистической школы Пор-Рояля берётся за основу [13, с. 10–13].

В XIX веке фундаментальных изменений во взглядах на природу субстантива не происходит. П. Бургграфф в своей дефиниции опирается на идеи именитых предшественников. Это имя, выражающее наши мысли, которые коррелируют с субстанциями, существующими независимо друг от друга и обладающими определёнными свойствами [5, с. 210]. Абстрактные существительные не именуют ни субъект, ни объект, ни классы субъектов или объектов, но только способы их бытия (*modes*, *manières d'être*) [5, с. 214]. Различие между субстантивом и адъективом определяется различием между субстанцией и свойством. Свойство понимается как ингерентная характеристика субстанции. Но разум может представить свойство как существующее само по себе, вне субстанции. Когда мы говорим *mur blanc*, прилагательное *blanc* выражает ингерентное свойство *mur*. Абстрагируясь от ингерентности, слово *blanc*, несмотря на то что оно в реальности обозначает свойство, начинает восприниматься как обозначение субстанции. В принципе, заключает П. Бургграфф, ссылаясь на М. Делатра [23], все субстантивы произошли от имён прилагательных [5, с. 215–217].

Полемизируя с Е.Б. Кондильяком и Н. Бозе по поводу отнесения существительных, именующих металлы, к именам собственным, он солидаризируется с В. Жюльеном [24]. Некая масса, обозначенная словами *or*, *argent* и т.д., может быть разделена на отдельные предметы, которые будут именоваться так же, как и масса: *or*, *argent* и т.д. [25, с. 213].

М. Клеман сделал удачную попытку обосновать, почему мы, с одной стороны, выделяем имена собственные, апеллативы и местоимения, а с другой, воспринимаем их как субстантивы. Он вводит два термина из логики: “comprehension” и “extension”. Под “comprehension” понимается объём понятия, а под “extension” – протяжённое, расширенное толкование. Имена собственные обладают наименьшей степенью экс-

тенсивности, обозначая единичные сущности, и наивысшей степенью компреансивности. Можно однозначно утверждать, например, что Париж – это не Вена, и наоборот. Апеллятивы, так как они обозначают уже классы подобных субстанций, по экстенсивности и компреансивности занимают промежуточное положение между именами собственными и генеральными, общими субстантивами (*substantif general*), более известными как местоимения [7, с. 148–149]. С такой классификацией трудно не согласиться. Действительно, генеральные субстантивы обладают наивысшей степенью экстенсивности, потому что способны обозначать бесконечное множество субстанций, из чего следует наименьшая степень их понимания. Экспликация понятия полностью зависит от контекста. В силу этих особенностей наивысшая степень экстенсивности и наименьшая степень понимания, генеральные субстантивы не обозначают субстанцию через её свойства, а указывают на то, что она существует [7, с. 150].

В первой половине XX века в романистике разворачивается горячая полемика о необходимости выделения частей речи, об их инвентаре, иерархии и принципов категорирования. Оставим за рамками нашей статьи детальный анализ теорий, отвергающих идею о различении частей речи, считая её схоластической (Ф. Брюно, П. Гиро, Б. Потье). Даже те лингвисты, которые впоследствии примыкали к теориям Ф. Брюно [26] и Б. Потье [19], в своих ранних работах выделяли имена существительные и другие части речи, исходя преимущественно из формальных критериев. Так, например, П. Гиро в своей грамматике 1958 года утверждает, что не все существительные обозначают субстанцию. Многие из них включаются в класс существительных только на основании формальных признаков (число, род) и синтаксической функции. Поэтому необходимо дифференцировать существительное-смысл и существительное-форму [16, с. 45–47]. О. Соважо более категоричен в своём определении. Он полагает, что основным признаком субстантива является не его значение, а обязательное наличие при нём соответствующих детерминативов (*le, mon, quelque* etc.) [20, с. 45–52].

Некоторые лингвисты, сочетающие в своих теориях семантический и структурный признаки при разграничении частей речи, даже если они предпочитают называть их иначе, считают, что частеречная классификация определяется пересечением двух понятий: классов и категорий. Ж. Дамурет и Эд. Пишон выделяют субстантив на основании общего категориального значения (обозначение субстанции) и принадлежности к одному из трёх классов, а именно: к автономным словам, лишённым связующей функции [9, с. 88–110]. Другие различают виды слов (*espèces de mots*), исходя из оппозиций: слова полные / пустые; слова конститутивные / вспомогательные; слова изменяемые / неизменяемые. Существительные формируют первую оппозицию и обозначают субстанции [21, с. 51–53]. Представители семантических теорий, Ш. Балли, Ж. Галише и др., выделяют субстантив, исходя из его категориального значения (обозначение субстанции) и синтаксической функции [3; 27]. К какому бы направлению не принадлежали работы французских лингвистов: ономаσιологическому, психологическому, психосистематическому, логическому или структуральному, очевидно, за некоторыми исключениями, что назначение субстантива состоит в номинации субстанции.

Наиболее плодотворные идеи в XX веке, на наш взгляд, были сформулированы в книге Альбера Сеше «Очерк логической структуры предложения», опубликованной во Франции в 1926 году и переведённой на русский язык в 2003 году [2]. Известно, что А. Сеше придерживался логико-психологического направления в исследовании языка. Центральным понятием в его рассуждениях является категория воображения, коррелирующая с языковой категорией. Признавая реальность существования грамматических категорий, он предпринимает попытку раскрыть другую реальность, воображаемую, скрывающуюся за языковой. А. Сеше полагает, что объекты мышления несут в себе определённую языковую категорию. Мы относим лицо, предмет, животное к категории сущности и обозначаем их именем существительным. Но не все понятия языка можно распределить по грамматическим классам таким естественным способом. Корреляция между воображаемой категорией и категорией грамматиче-

ской не ригидна. Одно и то же понятие может категорироваться в разных воображаемых категориях и вследствие этого – в разных грамматических категориях. Например, понятие чего-то светящегося может быть отнесено к воображаемой категории сущности, качества или действия: *lumière, lumineux, briller*. Категория сущности будет выражена в языке соответственно именем существительным, категория качества – прилагательным, а категория действия – глаголом. Из этого А. Сеше делает вывод, что существительное «репрезентирует понятия, которые разум мыслит в категории сущности...» [2, с. 92].

Однако из этого вовсе не следует, что категория качества или процесса не может мыслиться как категория сущности. Напротив, «любое понятие, к какой бы естественной категории оно с точки зрения логики ни относилось, может быть переведено в категорию сущности» [2, с. 93]. Процессы транспозиции – это частный случай проявления силы и эффективности языка. Аналогичным образом язык поступает с любым понятием. *Cheval* обозначает не только определённое животное, но и абстрактное понятие о нём, то есть вид в целом, от различий пола, возраста, окраски. Абстракция качества, процесса, отношения может мыслиться в рамках категории сущности, точно так же, как в этих же рамках мыслится абстракция вида [2, с. 93].

Грамматики последних лет XX века не внесли никаких корректив в интерпретацию природы субстантива. Р.Л. Вагнер и Ж. Пеншон определяют её исходя из формально-семантического критерия. Все имена существительные обладают маркерами рода и числа и самостоятельно обозначают субстанции [22, с. 45]. Ж.-Кл. Шевалье, К. Бланш-Бенвенист, М. Арриве и Ж. Петар также дают комплексную трактовку субстантива по формальному, семантическому и функциональному аспектам. С семантической точки зрения он обозначает существа, объекты и абстрактные мысли, наделённые постоянными свойствами [15, с. 162].

Таковы некоторые наблюдения в области развития методологии категоризации субстантива во французской лингвистике.

Список литературы

1. Арно А. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / А. Арно, Кл. Лансло. – Москва : Прогресс, 1990. – 272 с.
2. Сеше А. Очерк логической структуры предложения / А. Сеше. – Москва : УРСС, 2003. – 222 с.
3. Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française / Ch. Bally. – Paris : Lerous, 1932. – 440 p.
4. Beauzée N. Grammaire générale, ou exposition raisonnée des éléments nécessaires du langage, pour servir de fondements à l'étude de toutes les langues N. Beauzée. – Paris : Barbou, 1767. – Vol. 1–2. – 1338 p.
5. Burggraff P. Grammaire générale, ou exposition raisonnée des éléments du langage / P. Burggraff. – Liège : Imprimerie de Dessain, 1865. – 601 p.
6. Cauchie A. Grammaire française (1586). Texte latin original, traduction et notes de Colette Demaizière / A. Cauchie. – Paris : Champion, 2001. – 544 p.
7. Clément M. Essai sur la science du langage / M. Clément. – Paris : L. Hachette, 1843. – 215 p.
8. Condillac E. B. de. Principes généraux de grammaire / E. B. de Condillac. – Paris : Ducour, 1797/98. – 368 p.
9. Damourette J. Des mots à la pensée. Essai de grammaire de la langue française / J. Damourette, E. Pichon. – Paris : Editions d'Artrey, 1911. – Vol. 1. – 674 p.
10. Estiennes R. Traicté de la Grammaire Française / R. Estiennes. – Paris, 1569. – 128 p.
11. Girard M. Les vrais Principes de la langue française: ou la parole réduite en méthode, conformément aux lois de l'usage, en seize discours / M. Girard. – Paris : Breton, 1747. – Vol. 1. – 432 p.
12. Grammaire de P. de la Rameé, lecteur du Roi en l'Université de Paris. – Paris, 1572. – 211 p.

13. Glatigny M. A l'aube de la grammaire française: Sylvius et Meigret // Histoire Epistémologie Langage. – 1987. – Vol. 9, № 9–1. – P. 135–155.
14. Grammaire de L'Académie, ou Principes de grammaire française. – Paris : H. Delloyé, 1841. – 223 p.
15. Grammaire Larousse du français contemporain. – Paris : Larousse, 1972. – 495 p.
16. Guiraud P. La syntaxe du français / P. Guiraud. – Paris : Presses Universitaires de France, 1963. – 126 p.
17. Marsais M. du. Logique et principes de Grammaire / M. du Marsais. – Paris : Briasson, 1768. – 324 p.
18. Meigret L. Tretté de la grammaire françoise (1550) / L. Meigret. – Heilbronn, Verlag von Gehr. Henninger, 1888. – 211 p.
19. Pottier B. Linguistique générale / B. Pottier. – Paris : Klincksieck, 1974. – 340 p.
20. Sauvageot A. Français écrit, français parlé / A. Sauvageot. – Paris : Larousse, 1962. – 233 p.
21. Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale / L. Tesnière. – Paris : Klincksieck, 1959. – 670 p.
22. Wagner R. L. Grammaire du français classique et moderne / R. L. Wagner, J. Pinchon. – Paris : L. Hachette, 1962. – 640 p.
23. Delâtre M. L. La langue française dans ses rapports avec le sanscrit / M. L. Delâtre. – Paris : Firmin Didot Frères, 1854. – 392 p.
24. Jullien B. Thèses de Grammaire / B. Jullien. – Paris : L. Hachette, 1855. – 508 p.
25. Bain A. A higher English grammar / A. Bain. – London : Longmans and Co., 1879. – 358 p.
26. Brunot F. La pensée et la langue. Méthodes, principes et plan d'une théorie nouvelle du langage appliquée au français / F. Brunot. – Paris : Masson, 1922. – 954 p.
27. Galichet G. Grammaire structurale du français moderne / G. Galichet. – Paris : Charles-Lavauzelle, 1970. – 248 p.

References

1. Arno A., Lanslo Kl. Grammatika obshhaja i racional'naja Por-Royalja. Moscow, Progress, 1990. 272 p.
2. Seshe A. Ocherk logicheskoy struktury predlozhenija. Moscow, URSS, 2003. 222 p.
3. Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française. Paris, Lerous, 1932. 440 p.
4. Beauzée N. Grammaire générale, ou exposition raisonnée des éléments nécessaires du langage, pour servir de fondements à l'étude de toutes les langues N. Beauzée. Paris, Barbou, 1767. Vol. 1–2. 1338 p.
5. Burggraff P. Grammaire générale, ou exposition raisonnée des éléments du langage. Liège, Imprimerie de Dessain, 1865. 601 p.
6. Cauchie A. Grammaire française (1586). Texte latin original, traduction et notes de Colette Demaizière. Paris, Champion, 2001. 544 p.
7. Clément M. Essai sur la science du langage. Paris, L. Hachette, 1843. 215 p.
8. Condillac E. B. de. Principes généraux de grammaire. Paris, Ducour, 1797/98. 368 p.
9. Damourette J., Pichon E. Des mots à la pensée. Essai de grammaire de la langue française. Paris, Editions d'Artrey, 1911. Vol. 1. 674 p.
10. Estiennes R. Traicté de la Grammaire Française. Paris, 1569. 128 p.
11. Girard M. Les vrais Principes de la langue française: ou la parole réduite en méthode, conformément aux lois de l'usage, en seize discours. Paris, Breton, 1747. Vol. 1. 432 p.
12. Grammaire de P. de la Rameé, lecteur du Roi en l'Université de Paris. Paris, 1572. 211 p.
13. Glatigny M. A l'aube de la grammaire française: Sylvius et Meigret // Histoire Epistémologie Langage, 1987. Vol. 9, № 9–1. P. 135–155.
14. Grammaire de L'Académie, ou Principes de grammaire française. Paris, H. Delloyé, 1841. 223 p.
15. Grammaire Larousse du français contemporain. Paris, Larousse, 1972. 495 p.

16. Guiraud P. La syntaxe du français. Paris, Presses Universitaires de France, 1963. 126 p.
17. Marsais M. du. Logique et principes de Grammaire. Paris, Briasson, 1768. 324 p.
18. Meigret L. Tretté de la grammere françoeeze (1550). Heilbronn, Verlag von Gehr. Henninger, 1888. 211 p.
19. Pottier B. Linguistique générale. Paris, Klincksieck, 1974. 340 p.
20. Sauvageot A. Français écrit, français parlé. Paris, Larousse, 1962. 233 p.
21. Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. Paris, Klincksieck, 1959. 670 p.
22. Wagner R. L., Pinchon J. Grammaire du français classique et moderne. Paris, L. Hachette, 1962. 640 p.
23. Delâtre, M. L. La langue française dans ses rapports avec le sanscrit. Paris, Firmin Didot Frères, 1854. 392 p.
24. Jullien B. Thèses de Grammaire. Paris, L. Hachette, 1855. 508 p.
25. Bain A. A higher English grammar. London, Longmans and Co., 1879. 358 p.
26. Brunot F. La pensée et la langue. Méthodes, principes et plan d'une théorie nouvelle du langage appliquée au français. Paris, Masson, 1922. 954 p.
27. Galichet G. Grammaire structurale du français moderne. Paris, Charles-Lavauzelle, 1970. 248 p.

ИМПЛИЦИТНОСТЬ И СРЕДСТВА ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ

Бегинина Алёна Олеговна, аспирант, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: ponchick-a@rambler.ru.

В статье рассматривается феномен имплицитности в связи с родственными ей явлениями. Представлены определения этих явлений. В статье предпринята попытка систематизации основных средств выражения имплицитированных компонентов высказывания.

Ключевые слова: имплицитность, эллипсис, импликатура, коннотация, подтекст, пресуппозиция, исходное предположение вопроса, вводные компоненты

IMPLICITNESS AND MEANS OF ITS RECONSTRUCTION

Beginina Alyona O., postgraduate student, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatischev St., e-mail: ponchick-a@rambler.ru.

The article tells about the phenomenon of implicitness in connection with the corresponding things. The definitions of these things are presented. We tried to systemize the basic mechanisms of reconstructing the implied parts of a statement.

Keywords: implicitness, ellipsis, implicature, connotation, implied sense, background knowledge, background assumption of a question, parenthetical components

Ряд высказываний имеют невыраженный смысл, извлекаемый при анализе. Изучение имплицитности представляет существенный интерес в современной науке о языке. Несмотря на то что феномен имплицитности анализировался на протяжении нескольких столетий, по-прежнему существует ряд спорных моментов относительно сути имплицитной информации, а также базовых механизмов извлечения имплицитных смыслов из высказывания. Понятие имплицитности имеет множество различных толкований, но в большинстве своём они так или иначе связаны с явлениями, родственными имплицитности. Среди таких явлений можно назвать эллипсис, импликатуру, коннотацию, импликационал, подтекст, инференцию, пресуппозицию, исходное предположение вопроса, вводные компоненты. Эти явления используются в качестве средств выражения имплицитных смыслов, но часто они смешиваются с понятием